

Психология личности

© 1998 г. А.Н. Славская

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ОПЫТ ПСИХОСОЦИАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Обсуждается сложная для любого кросскультурного исследования проблема допустимости различия выдвигаемых гипотез и интерпретации результатов. При этом подчеркивается обязательность применения единых психологических методов и процедур.

Автор анализирует данную проблему в ходе исследования правовых представлений, осуществленного Женевским центром по изучению прав человека, в котором участвовали российские психологи.

Показано, что процесс осознания россиянами своих прав нетипичен для представителей традиционно правовых государств. У российской личности это осознание связано со степенью ее столкновения с правовыми проблемами в реальной жизни и происходит на основе взаимного выполнения обязательств.

Ключевые слова: социальные представления, правовое сознание, правовые представления, психосоциальные явления, интерпретация, контекст, мнение.

Исследования социальных представлений (политических, моральных и особенно правовых) в отличие от опросов общественного мнения, отражающих их поверхностное содержание, ситуативную и недифференцированную картину обыденного сознания, в определенной мере позволяют понять сложность и характер изменения общественного сознания.

По мнению французского психолога С. Московичи, социальные представления аккумулируют сегодняшнее состояние общества, его проблемы, противоречия, тенденции [12]. Вряд ли все без исключения представления, например экономические, имеют решающее значение в обществе при установлении соответствующих отношений, но правовые представления, по-видимому, именно в России сложнейшего периода построения правового государства могут сыграть существенную роль.

С одной стороны, Конституция Российской Федерации провозглашает ее демократическим правовым государством с республиканской формой правления. С другой – авторитетные специалисты в области права утверждают, что "Россия сегодня не является правовым государством, равно как и в реальности права и свободы человека не стали высшей ценностью" [13, с. 75]. В то же время традиционно Россия исторически всегда была страной, в которой не обращалось внимания на соотношение "личность – государство", а потому гражданский правовой статус личности (в недавнем прошлом) сводился к выполнению обязанностей при полном отрицании прав. Совокупность этих противоречивых объектививных позиций актуализирует проблему осознания личностью своих прав, тем самым подчеркивая важность изучения реальных правовых представлений. Российские историки, писатели, мыслители

неоднократно проводили сравнение западноевропейского и российского типов мировоззрения и государственности, чтобы выявить специфику российского менталитета в отношении правовых представлений. "Народы Европы, – писал Н.Я. Данилевский, – не только основали могущественные государства, распространившие свою власть на все части света, но и установили отвлеченно-правомерные отношения как граждан между собой, так и граждан к государству. Другими словами, они успели соединить политическое могущество государства с его внутренней свободой, т.е. решили в весьма удовлетворительной степени обе стороны политической задачи" [9, с. 98].

В России отсутствовала такая дифференцированность сфер социальной жизни, которая позволила бы регулировать ееrationально "отвлеченно", т.е. в форме права, упорядочивающего отношения как между гражданами, так и между личностью и государством. Российский тип государственности неразрывно связан с типом русской общинности, соборности, в котором была "растворена" личность. А последняя, как очень тонко подметил В. Иванов, фактически трактовала право уже издавна как принудительность: "Неумелые в строительстве общественности принудительной лелеют в духе славяне... тайну хорового согласия и того непринудительного общения между людьми, которое только на их языке имеет в мире свое именование: соборность. Им дано обретать свое личное "я" в целом" [11, с. 232]. Справедливость в российском сознании соединялась с принципами веры, любви, но не права.

Н. Бердяев описывает своеобразную альтернативность российской духовности, любви, соборности и права: "Так как все должно быть органическим, то ничего не должно быть формального юридического, не нужны никакие правовые гарантии. Органические отношения противоположны договорным... Гарант прав человеческой личности не нужно в отношениях любви. Это и есть русская коммунотарность, общинность, хоровое начало, единство любви и свободы, не имеющее никаких внешних гарантий" [5, с. 275].

Таким образом, исторически в России основные ценности любви, общности, свободы как соборности оказались *противоположны праву* и норме. В западноевропейской культурной традиции норма и право возникли прежде всего как способ защиты ценностей, а ими – изначально – были личность и ее свобода. Там, где власть государства вступала в противоречие с правом личности, она должна быть, согласно праву, ограниченной, а во всех остальных отношениях – направленной на защиту, обеспечение прав личности.

Возникает вопрос: можно ли утверждать, что социальную личность есть правовая единица общества, если она не являлась таковой ни до революции, ни после нее – при социализме? По-видимому, для этого нужно время и определенные экономические, гражданские предпосылки, которых нет в сегодняшнем кризисном российском обществе. Возможно ли в таком обществе признание ценности свободы личности? Кросскультурное исследование ценностей, проведенное международной лабораторией социальной психологии в бывших "странах народной демократии", показало, что свобода не относится к числу актуальных позитивных ценностей, занимая в иерархии сознания одно из последних мест (по данным доклада И. Марковой на международной конференции "Л. Выготский, С. Рубинштейн и социальные представления", 13–15 мая 1996 г., Москва). Трудно говорить о выработке законодательно-исполнительных механизмов защиты свободы личности в обществе, не осознавшем ценность такой свободы. Наконец, "низкая правовая культура должностных лиц, – пишет российский правовед Е.А. Лукашева, – усугубляемая отсутствием реальной ответственности за отступление от права, ярче всего проявляется в неуважении права и пренебрежении им. Права человека – категория, чуждая правосознанию большинства тех, кто, согласно Конституции, призван обеспечить их незыблемость" [13, с. 81].

К этому объективному перечню дефицитных для обеспечения прав личности условий можно добавить еще два субъективных мнения. Авторы книги "Общая теория прав человека" ссылаются на Р. Иеринга, который связывал способность отстаивать свое право с чувством собственного достоинства [13]. Западноевропейская

личность, едва являясь на свет, уже обладает тем чувством ценности своего "я", которое затем благодаря всей системе воспитания и отношений наполняется чувством собственного достоинства. В свое время В. Белинский заметил, что важнейший механизм российской личности – это самолюбие, существенным отличием которого от чувства собственного достоинства считается не свобода и непринужденность проявления своего "я", а болезненная установка на возможность ущемления такой свободы.

Другая характеристика правового сознания личности была выявлена в психологических исследованиях, показавших, что в отличие от западноевропейских правовых представлений, связывающих функцию закона с обеспечением справедливости, т.е. защитой позитивных ценностей, в отечественное сознание "внедряется" негативная, карающая функция, составляющая наследие тоталитаризма [7]. Можно расширить эти данные выводом о том, что в отечественном сознании законы и право воспринимаются только как *обязанности* личности перед государством, но *не как права*.

И тем не менее при дефиците ряда объективных социальных и внутренних субъективных условий, по-видимому, можно говорить о возникновении *предпосылок* правового сознания личности. Для этого необходимо дифференцировать отношения, которые обычно рассматриваются нерасчлененно, синкетично. Первые два отношения были дифференцированы еще Н.Я. Данилевским, который писал, что буржуазному праву удалось решить одновременно обе части правовой задачи – *взаимоотношения как личности с государством*, так и *личностей друг с другом*. Вторые два отношения, связанные в западном правовом сознании, – это *права и обязанности*, которые интегрировались взаимной ответственностью: государства перед личностью, гарантировавшего обеспечение ее прав, и личностью перед государством, гарантировавшей выполнение своих обязанностей. В российской социальной жизни и сознании личности оказались разорванными те два отношения, которые, по мнению Н.Я. Данилевского, связаны в западном праве, – отношение к государству и к другим людям. Не только разорваны права и обязанности, связанные в правовых государствах, но *права вытеснены, заменены обязанностями*. "Христианское смирение было ложно истолковано, – пишет Н.А. Бердяев, анализируя истоки и смысл русского коммунизма, – и этим истолкованием пользовались для отрицания человеческого достоинства, для требования покорности всякому социальному злу" [4, с. 140].

В настоящее время наблюдается тенденция к расгосударствлению, характеризующемуся существенным противоречием. С одной стороны, признаются права личности не только как гражданина (по отношению к государству), но и как человека, что "преодолевает одностороннее рассмотрение человека в его взаимосвязи только с государством, сужение сферы его самоопределения" [13, с. 32]. Этим актом новая Конституция РФ "восстанавливает те общечеловеческие ценности, которые были утверждены в результате буржуазных революций" (там же, с. 31). С другой – "в последние годы произошло ослабление российской государственности, а это – движение в сторону, противоположную обществу, основанному на праве" (там же, с. 83). Суть этого противоречия в том, что, *предоставляя личности большую свободу, общество одновременно не в силах взять на себя обязательство по защите прав, связанных с этой свободой*, – оно не имеет развитых правовых механизмов защиты свобод. Очевидно, что права, предоставляемые гражданам РФ, реализация которых гарантирована в большей степени, – преимущественно политические (избирательные и т.д.). Но из этого следует чрезвычайно важный вывод: *способность и культура пользования своими человеческими правами принадлежит личности*. Несмотря на то что Россия не имеет исторических традиций в области права, несмотря на пережитый ею период тоталитарного подавления правового сознания и отсутствие правовых механизмов защиты свободы личности в современный период, возможно, единственным путем построения правового общества окажется путь "снизу". Это –

путь становления правового сознания личности, ее способности, умений отстаивания и защиты своих прав.

Что же может актуализировать правовое сознание российской личности и рассматриваться как объективные предпосылки ее правовых представлений? Мы предполагаем, что основным содержанием этих представлений не может быть достижение свободы, ее главная ценность, так же как личностным механизмом их актуализации нельзя считать неразвитое в силу исторических, социальных и экономических причин чувство ценности своего "я" и собственного достоинства. Объективной предпосылкой является *жизненная ситуация*, жизненная позиция *современной личности*. Личность оказалась предоставленной самой себе во всех измерениях своего жизнеобеспечения. Старая государственная система руководствовалась в отношении граждан двумя измерениями: статикой и гарантированностью финансового обеспечения (на среднем или низком уровне). В настоящее время, учитывая резкую дифференцированность экономического положения разных социальных слоев, каждая личность должна обеспечивать себя прожиточным уровнем, а следовательно, искать новые источники доходов, сочетать сразу несколько профессиональных деятельности, менять профессию, осваивать другие ее виды или "на свой страх и риск" заниматься коммерцией, которая характеризуется значительной степенью неопределенности, негарантированности. В связи с прекращением пожизненного обеспечения трудом и зарплатой перед личностью открылась возможность выбора: повышение профессионального уровня или отказ от него, продолжение профессиональной деятельности в стабильных государственных структурах или уход в коммерческие, связанные с риском и нестабильностью, выбор между добыванием средств трудом или другими путями. Личность, привыкшая к ориентации "на всех", к социальному сравнению, подражанию, оказалась перед *необходимостью самоопределения* в сложных, неопределенных, быстро меняющихся ситуациях. Она столкнулась с необходимостью сопоставления своих возрастных, профессиональных и других возможностей и ограничений с запросом на рынке труда, с требованиями разных организаций, служб, фирм. Она оказалась в ситуации конкуренции. Все это в свою очередь обострило восприятие личностью действительности, *актуализировало ее способность и потребность в социальном мышлении*. Выражаясь обыденным языком, личности оказалась предоставлена возможность выживать в одиночку – свобода защищать свою жизнь, свобода выживать или процветать.

Именно эта социальная позиция личности актуализирует ее правовые представления – потребность понять действующие в обществе правила, нормы, узнать информацию, выяснить достоверность – недостоверность своих ожиданий и "чужих обещаний". Кроме необходимости осуществления чисто юридических процедур, связанных с открытием фирм, оформлением собственности или пособий, потребности выяснить законосообразность определенных действий, в сознании людей с разной мерой остроты возникает желание понять и осмыслить либо все социальное целое, в котором протекает множество противоречивых социальных процессов, либо ту жизненную ситуацию, в которой оказался каждый, в ее более общем или конкретном выражении.

Бенгерские специалисты уже довольно давно связали право с наличием альтернативных, плuriалистических ситуаций [6]. В России у личности складывается острая *потребность в упорядоченности, надежности, гарантированности собственной жизни на фоне осознания противоречий, неопределенности и несправедливости социальной действительности*. Правовые представления связаны не с достижением или осознанием свободы, а с потребностью определиться в неизвестности (и в этом смысле "свободном" социальном пространстве).

С. Московичи – теоретик концепции социальных представлений (репрезентаций) включает в их структуру установку, информацию, смысловое поле и картину мира индивида. Мы, опираясь на результаты теоретико-эмпирического исследования [16,

17], в качестве основного их механизма или самостоятельной процедуры социального мышления выделяем *интерпретацию*. Московичи не включает интерпретацию в структуру социальных представлений, считая их общей функцией интерпретацию социальной действительности [20].

Интерпретация не только некий безличный герменевтический инструмент работы над текстом для его уяснения, она есть *способность индивидуального сознания личности* вырабатывать определенные смысловые композиции, схемы, "версии", мнения, объяснения при неопределенной или изменившейся позиции личности. С феноменом интерпретации мы имеем дело во всех формах осмысливания социальной действительности. Командир дает интерпретацию, определяя диспозицию отряда, после крупного сражения, добывая или домысливая данные о расположении своих частей и позиции врага, и делает вывод о той или иной степени трудности положения и выходах из него. В жизни семьи, имеющей три поколения, каждым дается интерпретация взаимоотношений в определенных категориях, связках и оценках, имеется своя "версия". Весь роман Толстого "Анна Каренина" есть динамика интерпретаций различными героями их изменяющегося и постепенно и по-разному осмысливаемого и переосмысливаемого положения, взаимоотношений.

Прямые аналоги правового интерпретирования мы находим в традиционной английской системе судопроизводства. Здесь по сравнению с другими западноевропейскими странами наибольший удельный вес в принятии решения имеет не сам закон, а его интерпретирование применительно к конкретному случаю (что отличается от предварительного интерпретирования самого случая в ходе построения версий следователя, защиты, обвинения, а также версий обвиняемого и свидетелей). Все эти предварительные версии интегрируются судом присяжных с учетом интерпретации самого закона. Процедура суда присяжных показывает, интегрируются ли, учитываясь, все версии, и насколько глубоко, или просто выбирается одна из них. Однако, какой бы развернутой ни была процедура интерпретирования, всегда делается единственный, обобщающий все позиции и снимающий все альтернативы вывод: "виновен" или "невиновен".

Известно, что еще стоики включали смысл в качестве одной из основных единиц в структуру сознания, употребляя для этого понятие "лектон" [14, с. 106]. Века спустя смысловое поле сознания рассматривали Гуссерль и Кассирер. И в современной отечественной психологии смысл относят к единице сознания. Однако интерпретация не сводится к смыслу. Она есть определенная совокупность или, точнее, композиция, пропозициональная (соотносительная с другими) система смыслов, значений, оценок, имеющая или не имеющая иерархии. Она "выглядит" как процесс рассуждения, к исследованию которого мы подошли с позиций континуально-генетической теории А.В. Брушлинского, или суждения, но всегда *завершается выводом*. Вывод – это и есть разюме, обобщение определенной "версии". И глубже понять его личностную сущность позволила концепция П. Фейерабенда, в которой одно из центральных мест заняло понятие "мнения" ученого. В данном случае это не аморфное общественное мнение, а именно *точка зрения*, позиция, включающая интерпретацию. Мы проанализировали самую раннюю работу С. Московичи [20], в которой он выявлял отношение широкой французской публики к психоанализу, к концепции З. Фрейда, и убедились, что исследуемым явлением были именно мнения, причем достаточно разнообразные.

Интерпретация до самого последнего времени оставалась в системе понятий герменевтики, поскольку в самой психологии ограничивались статичными показателями сознания как сложного образования. Функционально-динамические характеристики проявились, скорее, в бессознательном, а также в регуляторных особенностях сознания (С.Л. Рубинштейн), в "живом действии" (В.П. Зинченко). Сознание не рассматривалось как жизненная способность личности. Интерпретация есть адекватная динамике жизни, изменению личности и динамике ее сознания

способность сознания выявлять новое положение личности в изменившихся обстоятельствах и определять его. Это – динамическая способность сознания, связанная с динамикой жизни. Для осуществления каждый раз заново требующегося самоопределения личности интерпретация извлекает из контекста, иногда неопределенного, свои данные, сведения, составляющие, факты. Из этих составляющих она создает свою композицию, версию, "сюжет", свое мнение. В отличие от чисто познавательного процесса интерпретация "не имеет в виду" истины, но *достигает удовлетворяющей на данный момент субъекта определенности*, достаточно целостной картины, "гештальта". В отличие от познания она *связана с оценками*, например, положения личности в данный момент как легкого, трудного, трагического, безвыходного, входящими в общий вывод. Естественно, что оценки, взгляды, мнения людей об одной и той же ситуации могут быть различными и даже противоположными. Но взаимопонимание достигается как раз сопоставлением разных интерпретаций, их причин и их сближением, сведением к общей точке зрения. Только поняв суть интерпретации, можно понять, почему после какого-то политического выступления люди бегут покупать спички или тратить все наличные деньги.

Интерпретация является личностно-психологическим способом формирования отношения субъекта – к человеку, научной концепции, политической позиции, информации – и выражением этого отношения в виде вывода или его объяснения. В ходе интерпретирования субъект отбрасывает неприемлемое для него, абстрагируется произвольно от определенных, даже существенных обстоятельств, фактов, выстраивает их иерархию, последовательность, создавая композицию смыслового пространства.

В процессе интерпретирования субъект сталкивается с противоречивостью разных данных, с отсутствием связи между некоторыми из них, с неопределенностью и неясностью фактов, что затрудняет выработку целостной непротиворечивой "картины". Но результатом процесса всегда является *вывод*, содержащий более глубокое или поверхностное, более частное или принципиальное, более конкретное или абстрактное *обобщение*. Вывод-обобщение всегда *неповторимый уникальный интеграл составляющих*, выражающий способность сознания человека постоянно осуществлять все новые резюме из мозаики и динамики жизни. Теоретически интерпретация была представлена в исследовании в виде определенного континуума, в зависимости от близости к одному из полюсов которого она меняла свои психологические характеристики [16].

Такое определение интерпретации позволяет утверждать, что она является основным механизмом повседневного правового мышления личности в России в данный период. Там, где еще не вступили в силу законы, нет их знания и привычного для старшего поколения понятия "порядок", *интерпретация* позволяет личности каждый раз самоопределяться, упорядочивать, вносить момент ясности и организованности в свою социальную жизнь, свои взаимоотношения с людьми, учреждениями, различными социальными структурами. Она выполняет функцию рабочего механизма правового сознания, пока правовые представления не приобрели четкости, определенности, воплотив правовые нормы.

Поскольку интерпретация – наиболее яркое проявление субъективности, пристрастности индивидуального сознания, она выражает интересы, стремления, ценности человека и в этом смысле в каких-то пределах очерчивает пространство его личного права. Долгие годы поддерживая служение субъекта сверхличным целям, которое, по мнению Н. Бердяева, было непосредственно унаследовано социализмом от христианского русского склада, государству удавалось минимизировать ценности личной жизни, здоровья, а тем самым – тенденции самостоятельности, независимости. Личные интересы и амбиции противостояли преобладающему складу личности, по мнению Бердяева, только у типа "шкурника", который подводился социализмом под

понятие "мещанство". Однако если понимать личную жизнь не только как стремление к богатству, но и как потребность в самореализации, в определении своего призыва, круга общения, духовных интересов, культуры, то изначальная *свобода личности* в России может быть связана прежде всего с защитой своей независимости, способности самостоятельно мыслить и поступать, разумно распределять сферы, время собственной жизни. Развитие такой самостоятельности, предполагающей *отказ от конформизма, социального сравнения, подражания*, превращает личность в субъекта, не только имеющего свое мнение по поводу жизненных социальных, правовых ситуаций, но и готового отстоять его в обстоятельствах, требующих разрешения противоречий. Такова, по-видимому, личностная основа, необходимая для осознания своих прав, а не только бесконечных обязанностей.

Эти позиции стали основой нашего участия в теоретическом обсуждении гипотез международного кросскультурного исследования представлений о правах человека, предпринятого Женевским центром по изучению прав человека под руководством проф. В. Дуаза – сотрудника С. Московичи¹.

Какие теоретические проблемы были поставлены на этой дискуссии? *Первая* касалась собственно психологических *теоретических концепций*, в рамках которых осуществлялось кросскультурное исследование. Исследование Женевского центра опиралось на концепцию социальных представлений С. Московичи. Российская часть исследования исходила из разработанной К.А. Абульхановой концепции социального мышления, которая в число процедур социального мышления включала не только социальные представления, но и проблематизацию и интерпретацию и в понимании последней несколько расходилась с трактовкой Московичи [1, 2].

Вторая заключалась в разрешении парадокса, связанного со *стратегией* самого исследования. Парадокс объяснялся сутью психосоциальных явлений как предмета данного исследования. *Психосоциальные явления* – в отличие от психических, социально-психологических, суть которых раскрывается в классической психологии путем построения теоретических и эмпирических моделей, – это психические, личностные и другие образования, сложившиеся в конкретную эпоху в данном обществе [10, 18]. В определенной степени психосоциальные явления становятся предметом этнической и политической психологии, если только речь идет не об этносе или политике вообще, а именно о конкретном этносе, конкретной политической психологии данного общества в данный период (например, о психологии сталинского тоталитарного общества). В силу этого суть и специфика психосоциальных явлений *не может быть понята априорно* гипотетически и обнаруживается только в результате проведения самого исследования. Вместе с тем специфика психосоциальных явлений, сложившихся в данном обществе достаточно выпукло проявляется на основе кросскультурного сравнения с другим обществом. Способ же организации кросскультурного исследования предполагает выявление конкретного через общие основания сравнения. Такие стратегии отработаны и применены в ходе исследования психосоциальных явлений с небольшим количеством характеристик, например, имплицитных (обыденных) теорий интеллекта, личности.

Однако из вышесказанного следует, что правовые представления, интерпретация права принадлежат к самым сложным психосоциальным явлениям, имеющим комплекс исторических, государственно-институциональных, мировоззренческих, личностных детерминант и *множество характеристик*, или измерений, т.е. по выра-

¹ Сотрудники лаборатории личности Института психологии Российской академии наук Е. Аверина, Т. Березина, М. Воловикова, а также аспиранты Р. Енакаева, Е. Пащенко и др. провели сбор эмпирического материала по методикам, переведенным нами и адаптированным к российской выборке. Эти методики были разработаны Женевским центром и включали международный правовой документ "Декларация прав человека", ряд опросников. В международном исследовании приняли участие представители более 30 стран Западной и Восточной Европы, а также Африки и Южной Америки.

жению Б.Ф. Ломова, относятся к "многомерным". Это – аспект соотношения с государством и другими людьми (объединенное в западноевропейском законодательстве и различающееся в российском); аспект (или вектор) различий представлений о правах от представлений об обязанностях; вектор, касающийся отличий законов (законодательства, например, положений Конституции РФ или Международной декларации прав человека) от их гарантий исполнительной властью, и аспект, различающий (именно в российской конституции) права личности *как человека* от ее прав *как гражданина*. Очевидно, что правовые представления современной российской личности не могут быть напрямую соотнесены с правовой концепцией российского законодательства, поскольку ее знание и даже понимание доступно лишь профессиональному юристу и она есть в значительной степени желательное, а не реальное и никак не вскрывает того множества противоречий, с которым связано осуществление права и... его нарушение.

Возвращаясь к парадоксу стратегии исследования правовых представлений как психосоциальных явлений, мы нарушили принцип определения его сути только по полученному результату и выдвинули ряд гипотез. Их суть связывалась с решением центральной проблемы стратегии исследования: *насколько имманентны, адекватны российскому правовому сознанию и мышлению методические материалы*, предложенные Женевским центром. Ведь создание этих методик определялось и теоретической парадигмой западноевропейских исследователей, и теми представлениями о праве и правовом сознании личности западноевропейского общества, которые были им свойственны как гражданам традиционно правового общества. Поэтому мы должны были, хотя бы со значительной долей приблизительности, ответить на вопросы о том, имели ли что-либо в виду отечественные респонденты, заполняя шкалы опросника, что именно они имели в виду или их ответы давались совершенно автоматически.

Например, можно спросить российского респондента: «"Вы согласны с гуманистическим принципом "Свобода–Равенство–Братство"». Он ответит "да". Но понимает ли он и вообще знает ли о том, что в западноевропейском обществе давно осознали противоречие между свободой (как свободой предпринимательства, т.е. возможностью обогащения) и равенством, поскольку свобода обогащения неизбежно привела кциальному экономическому неравенству? Следовательно, он отвечает на этот вопрос с абстрактно-умозрительных позиций, оказавшихся же за чертой бедности и поняв взаимосвязь этих явлений, его ответ будет иным.

Первый гипотетический принцип, который мы сформулировали на основе утверждения о том, что именно интерпретация является основным механизмом правосознания, – **контекстности, или контекста**. Этот принцип позволяет понять, как воспринимается основной методический материал – "Декларация прав человека". Мы провели различение *трех* контекстов: абстрактно-социального, жизненно-личностного и исторического, в смысловое пространство которых российский респондент может включить содержание документа и начать выработку своего мнения о нем.

Для российской личности восприятие положений "Декларации" может быть абстрактно-умозрительным, т.е. таким, каким было восприятие идеи коммунизма – правильной, но далекой. Почему не согласиться с принципами равенства народов всех стран, всех цветов кожи и т.д.? Однако мы предположили, что абстрактность восприятия этих же положений гражданином Франции или Испании, связанная со столь же глобальным макроконтекстом проблемы, может быть свидетельством не пассивной констатации их правильности, а рационализма сознания, поскольку все "правильное" в его обществе осуществляется государством и не требует проявления личного отношения, осмысления.

Итак, *первый абстрактно-социальный контекст* является *безличным* или *надличностным* в силу макромасштаба самой правовой проблемы. В нем складывается и функционирует все социальное знание, восприятие информации, прини-

маемой "к сведению", констатируемой, но не требующей самоопределения личности даже при осознании ее важности. Это действительно традиционно упоминаемая "картина мира", причем социального, а в данном случае – мира как цивилизованного человеческого сообщества.

Второй контекст является *конкретно-личностным*. Он выделяется по двум критериям. Первый критерий рассматривает Г.Г. Диленгский вслед за Л. Линном, введшим понятие "социальная вовлеченность". Для субъекта макропроблемы права (международные, национальные и другие конфликты) становятся личностными при условии его *непосредственного участия* в них. Второй критерий связан с противоречиями личной жизни человека, его столкновением с попранием прав, нарушением справедливости. Здесь абстрактное восприятие, констатация правовых знаний уступают место активному интерпретированию правовых противоречий, закона и ситуации и т.д.

Третий контекст – уже не по основанию абстрактность–конкретность, а по основанию современность–историчность – мы назвали *историческим*. Это также макроконтекст, но, на наш взгляд, он гораздо больше связан с ценностями, оценками, отношением, чем со знанием или восприятием личности. Здесь актуализируется историческое сознание недавнего прошлого, в котором "Декларация прав человека", борьба за права человека в России связывались с диссидентским движением, с личностью А.Д. Сахарова, его мужественной гражданской борьбой за эти права. Другая историческая перспектива, обращенная в будущее, определяет контекст отношения к "Декларации" как программе будущего, подлинно цивилизованного человечества. Это отношение также специфично для российского общества, мировоззрение которого основано на вере и идеале.

Основным в гипотезах женевских исследований был контекст (вектор) "*личность–государство*", который мы не выделяли, несмотря на то что в отечественных исследованиях важнейшим считалось соотношение "*личность–общество*". По нашему мнению, смысловое содержание этих соотношений совершенно различно. Нельзя поставить знак равенства между "*личность–государство*" и "*личность–общество*" в принципе, тем более нельзя утверждать, что соотношение "*личность–государство*" в западноевропейском обществе может сравниваться с соотношением "*личность–общество*" в России. "*Личность–государство*" отражало дифференциацию правовых позиций личности в зерлом правовом западноевропейском *государстве*. По мнению В. Дуаза, различие позиций личности строилось на ценностной основе и определяло, во-первых, тип отношения к государству, во-вторых, способ восприятия конфликта, противоречия (этнического, политического, идеологического и т.д.).

Женевские исследователи дифференцировали следующие четыре типа личности по характеру их отношений к государству: *симпатизирующий* (правительственным, государственным правовым решениям); *скептический*; *персонифицированный* (индивидуализированный); *институциональный* (полностью государственный, идентифицирующийся с его политикой).

Мы рассматриваем эту типологию как разную *степень близости–отдаленности* личности от позиции государства: индивидуализированный наиболее удален, скептический – средне, симпатизирующий – ближе, идентифицирующийся полностью отождествляется с позицией государства.

Женевские исследователи также считают одним из важнейших принцип контекстности, проводя, например, различие между абстрактным признанием важности положения "Декларации" о том, что "каждый человек имеет право на образование", и его конкретной реализацией в жизни данной личности, возможности или невозможности такой реализации. Однако для них центральным является "*личность–государство*", тогда как мы не можем считать этот контекст основным из-за отсутствия правового государства и выработанных у разных типов личности позиций по отношению к нему, но выделяем три других вышеописанных контекста.

Наиболее существенным при сопоставлении теоретических позиций исследователей – своеобразном "кросскультурном" сравнении на уровне теории оказывается следующее различие, которое, как нам представляется, станет ключевым и в процессе интерпретации эмпирических данных. У разных типов личности западноевропейского общества, выделенных В. Дуазом на основе действующего правопорядка, направленного на поддержание значимых ценностей, уже существует определенное *отношение к государству* – дистанцированное от него или максимально с ним солидаризирующееся. Поэтому интерпретация того или иного конфликтного, противоречивого правового явления *лишь выражает сложившееся отношение*, а также личный социальный опыт (переживания конфликтов – по В. Дуазу).

В нашем же обществе, где *отсутствует* сформированное *отношение к государству* (как правовому институту), напротив, только интерпретация, т.е. поиск определенности в неопределенных, противоречивых правовых ситуациях, стремление к упорядоченности и целостности личной жизни, может привести к возникновению такого отношения. Иными словами, в *западноевропейском обществе интерпретация является лишь конкретным проявлением обобщенных, устоявшихся, принципиальных правовых взаимоотношений государства и личности. В нашем обществе интерпретация – психологическая личностная предпосылка*, механизм, посредством которого каждый раз заново, в каждом конкретном случае отдельно разрешаются правовые ситуации, что по мере возникновения новых мнений, выводов личности, ее обобщений приведет к правовому отношению.

Далее, в теоретическом диалоге нашей и женевской сторон в качестве **второго принципа** наряду с контекстностью выделена ориентация всего исследования на проблему **противоречий** или конфликтов, связанных с нарушением прав человека. У различных типов, выделенных В. Дуазом, разный способ переживания конфликта (и разный личный опыт такого переживания). Мы также считаем, что *основная совокупность противоречий сосредоточена в личностном контексте*, т.е. на уровне личной жизни человека (хотя, естественно, явления правовых нарушений, расхищения государственной собственности, коррупции и т.д. в масштабах общества составляют едва ли не главную характеристику его современного состояния), на котором должны действовать – и не действуют – объективные правовые механизмы. На личностном, индивидуальном уровне можно выделить два вида противоречий, одни из которых связаны с прямым, собственно правовым насилием и унижением достоинства данной личности со стороны государства, общества, его институтов, другие – с межличностными отношениями, взаимоотношениями "личность–другой–другие". Можно предполагать, что и восприятие конфликта, и способы его разрешения в отношении первой группы противоречий связаны с интерпретацией себя как объекта или субъекта и соответственно общества как субъекта или объекта [1, 3]. Осознание своей позиции по отношению к обществу как объекта, от которого ничего не зависит, по-видимому, прежде всего проявляется в психологии исполнительства, обязательности, долга, но не осознания своих прав.

Противоречия и деловые отношения в сфере "*личность–другие*" составляют в России основную область практического права. Даже если эти отношения осуществляются в рамках институциональных и других формальных структур в отличие от западноевропейского общества, в ролевое поведение и взаимоотношения вовлечен субъект, его психология, личные интересы и амбиции. В этой сфере преобладают не правовые, а морально-психологические регуляторы, такие, как совесть, доверие–недоверие, ложь, и т.д. Исходя из этого, наиболее "*валидным*", адекватным российскому сознанию мы посчитали один из разделов Женевского опросника, в котором

речь идет о нарушениях и несправедливости, связанных с личностью и ее взаимоотношениями с другими людьми².

Основным психологическим механизмом, который интересует нас в этих взаимоотношениях, является *наличие или отсутствие взаимности* в интерпретации прав и обязанностей партнеров по отношению друг к другу. А именно, насколько готовность выполнять требования другого соединяется с ожиданием обязательств с его стороны, т.е. с правом требовать и от него; и наоборот, насколько требование гарантий от другого сопровождается готовностью выполнить обязательства самому. Этот психологический механизм можно считать главным, исходя не из умозрительных соображений, а из того, что в России при отсутствии законодательного регулирования таких взаимоотношений сложился способ их осуществления, подобный "натуральному обмену". В нем устанавливается непосредственная одновременная взаимозависимость действий одного от действий другого. Психология "обмена" является формой натурального, т.е. из "рук в руки", получения гарантий, что обязательства будут выполнены. При социализме аналогом такого "обмена" была формула "ты – мне, я – тебе". Такой негласный договор не сопровождается составлением "протокола", но приводит к переживаниям личности (неуверенности, подозрениям в нечестности партнера, сомнениям в эквивалентности услуг и т.д.), которые отсутствуют в западноевропейских, регламентированных, гораздо более отчужденных и отлаженных служебных и других отношениях.

В данном случае важны не эти чувства, входящие в синкет морально-правовых обыденных взаимоотношений, а то, что их взаимность – это не только взаимность обязательств, но и *важнейший момент соединения в сознании личности своих обязательств перед другим и права требовать выполнения обязательств от другого*. Именно это и есть, по-видимому, основная психологическая предпосылка правосознания личности в межличностных отношениях. Здесь личность уже перестает осознавать себя целиком обязанной всем – обществу, другим, отходит от развитого христианством и социализмом чувства добровольности своего долга, жертвенности и, по крайней мере психологически, начинает *переживать свое право требовать от других*.

Таким образом, для формирования правосознания российской личности основным оказывается *контекст межличностных отношений*, который не был выделен вначале, поскольку он связан только с одним из опросников Женевской обширной методики и не связан с интерпретацией "Декларации". Но именно интерпретация межличностных отношений, т.е. отношений, где есть различие, несимметричность, противоречивость, реципрокность двух позиций – "я" и другого, является главным механизмом диалогического сознания, определяющим мнение и в конечном итоге позицию "я". Интерпретация здесь действительно связана с альтернативностью, но не с той, при которой происходит выбор. Интерпретация действует тогда, когда нужно самоопределиться по отношению к другому человеку. Она заключается не просто в том, чтобы встать на позицию другого человека, отказавшись от своей (как фактически предлагает Ж. Пиаже и вслед за ним Д. Карнеги), или отстоять свою позицию, проигнорировав позицию другого. Здесь интерпретация как активнейший и сложнейший процесс находит выход по типу консенсуса, в котором синтезирована и обобщена совокупность прав и обязанностей каждого на основе взаимности. Эта способность личности урегулировать взаимоотношения с другим человеком без игнорирования чужих интересов и жертвы своими и есть психологическая специфическая для России предпосылка ее свободы, в том числе освобождения от обмана и лжи.

² В этот раздел опросника входит описание случаев такого рода:

1. Человек, с которым Вы имеете договоренность, нарушает ее.
4. Кто-то нарушил тайну, которой Вы поделились с ним.
5. Кто-то несправедливо критикует Вас за Вашей спиной.
6. Кто-то лжет Вам или умышленно дезинформирует Вас (вводит в заблуждение).

Сходство основных теоретических подходов к исследованию его участников, проявившееся в принципах контекстности, ценности и непротиворечивости, и выявленный специфически российский контекст правосознания и интерпретирования (и адекватность ему одного из разделов Женевского опросника) послужат основой интерпретации полученных в эмпирическом исследовании фактов и позволят точнее определить специфику российских правовых представлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 4. С. 39–55.
2. Абульханова К.А., Енакаева Р.Р. Российский менталитет, или Игра без правил? (Российско-французские кросскультурные исследования и диалоги) // Российский менталитет. Психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996.
3. Белицкая Г.Э. Типология проблемности социального мышления личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1990.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
5. Бердяев Н.А. Русская идея // Россия и Европа. Опыт соборного анализа. М., 1992.
6. Валки Л. Ценностное содержание международного права. Венгерский меридиан // Общественные науки. 1990. № 1. С. 53–67.
7. Воловикова М.И. Моральное развитие и активность личности // Активность и жизненная позиция личности. М., 1988. С. 170–186.
8. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.).
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа // Россия и Европа. М., 1992.
10. Дуаз В. Феномен анкеровки в исследованиях социальной репрезентации // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 1.
11. Иванов В.И. Духовный лик славянства // Россия и Европа. М., 1992.
12. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
13. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996.
14. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1979.
15. Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
16. Славская А.Н. Интерпретация как предмет психологического исследования // Психол. журн. 1994. Т. 15. № 3. С. 78–87.
17. Славская А.Н. Гуманистические аспекты понимания и интерпретации // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 83–95.
18. Abric J.-Cl. A theoretical and experimental approach to the study of social representations in a situation of interaction. Social representations / Ed. by R.M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, 1984.
19. Feyerabend P.-K. An attempt of a realistic interpretation. Experience-Proceeding of the Aristotelian Society. New Series. 1958. V. 58.
20. Moscovici S. Social influence and social change. L., N.Y., San-Franc.: Acad. Press, 1976.